

Экономика России в 2020–2022 годах: переход на новую модель развития

Любовь Аркадьевна Стрижкова^{а)},

Геннадий Оразович Куранов^{б)},

Людмила Ильинична Тишина^{а)},

Александр Геннадьевич Куранов^{а)}

^{а)} Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия;

^{б)} Министерство экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия

В статье отражены основные результаты исследования изменений в экономике России, связанных с влиянием специфических условий периода 2020–2022 гг. Обоснован вывод о происходящей смене модели развития экономики, сформулирован ряд предложений в отношении внутренней экономической государственной политики. Авторы отмечают, что сильное негативное влияние внешних факторов может при определенных условиях (по принципу «вызов-ответ» или «шок-реакция») создать импульс для ускоренной структурной перестройки экономики и перехода к новому национальному экономическому циклу, адаптированному к современным тенденциям научно-технологического развития.

Проанализированы показатели динамики и структурных сдвигов в конечном использовании валового внутреннего продукта (ВВП) в сфере производства, в области инвестиционной деятельности. Показаны различия в тенденциях развития по трем крупным секторам экономики, в которые объединены ее отрасли, — сектор сырья и обработки, инфраструктурный сектор и инновационный сектор, а также по агрегату «прочие отрасли» (табличный материал содержит развертку аналитических данных по укрупненным видовым позициям).

Показаны результаты факторного анализа динамики ВВП на основе двух подходов — с использованием межотраслевой модели и макроэкономической функции динамики ВВП. На основе первого подхода получены полные оценки влияния на динамику ВВП в 2022 г. изменения объемов экспорта и внутреннего конечного спроса, а также снижения импортоемкости производств и другие оценки. На основе второго подхода получены оценки потенциального темпа ВВП, разрыва с фактическими темпами и влияния основных факторов на экономическую динамику.

Отмечаются особенности новой модели развития (переход к развитию с опорой в основном на внутренние источники средств и ресурсов и др.); изложены взгляды авторов на условия, которые способны обеспечить решение задач развития страны в рамках новой модели развития. Рассматриваются вопросы составления инвестиционных прогнозов, обеспеченности финансовыми ресурсами инвестиционного процесса. По мнению авторов, дальнейшее развитие системного подхода в принятии управленческих решений, перехода к обеспечению большей согласованности между важнейшими направлениями экономического развития позволят более эффективно решать задачи по достижению поставленных целей в области экономики и в социальной сфере.

Ключевые слова: динамика и структура ВВП, производство и спрос, инвестиции, экспорт, импорт, импортоемкость, технологии, экономический потенциал, ресурсы, факторы роста, государственная политика, модель развития.

JEL: E23, E47, E61, F10, O11, O47.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-4-5-21>.

Для цитирования: Стрижкова Л.А., Куранов Г.О., Тишина Л.И., Куранов А.Г. Экономика России в 2020–2022 годах: переход на новую модель развития. Вопросы статистики. 2023;30(4):5–21.

Russian Economy in 2020–2022: Transition to a New Development Model

Liubov A. Strizhkova^{a)},
Gennadii O. Kuranov^{b)},
Liudmila I. Tishina^{a)},
Alexander G. Kuranov^{a)}

^{a)} Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia;

^{b)} Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

The article presents the study results on the changes in the Russian economy related to effects of the specific circumstances of 2020–2022. The authors support the conclusion about the ongoing shift in the economic development model and make several proposals for domestic economic policy. The authors note that the strong negative influence of external factors can, under certain conditions (on the principle of «challenge-and-response» or «shock-and-reaction»), create momentum towards the accelerated structural transformation of the economy and transition to a new national economic cycle adapted to current trends in scientific and technological development.

The paper analyses indicators of dynamics and structural changes in the final use of gross domestic product (GDP), in production, and in investment activity. The article describes the differences in the development trends for three major sectors of the economy in which its industries were incorporated: the raw materials and processing sector, the infrastructure sector, and the innovation sector, and also for the aggregate «other industries» (tabular material contains detailed analytical data on enlarged categories).

The article presents the results of GDP dynamics factor analysis based on two approaches – using the intersectoral model and the GDP dynamics macroeconomic function. Based on the first approach, the authors obtained the overall estimates of the impact of changes in export volumes and domestic final demand on GDP in 2022, as well as the decrease in the import intensity of production and other estimates. Based on the second approach, the authors obtained the estimate of the potential GDP rate, its gap with the actual rate, and the influence of the main factors on economic dynamics.

The features of the new development model (transition to development based mainly on internal sources of funds, resources, etc.) are indicated. The paper outlines authors' views on the conditions that can meet the challenges of developing the country as part of the new development model. The issues of making the investment forecasts and providing investment process with the financial resources are considered. According to the authors, further development of the systematic approach to managerial decision-making and transition to ensuring better coherence between vital economic development directions makes it possible to achieve economic and social objectives more effectively.

Keywords: dynamics and structure of GDP, production and demand, investments, exports, imports, import intensity, technologies, economic potential, resources, growth factors, state policy, development model.

JEL: E23, E47, E61, F10, O11, O47.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-4-5-21>.

For citation: Strizhkova L.A., Kuranov G.O., Tishina L.I., Kuranov A.G. Russian Economy in 2020–2022: Transition to a New Development Model. *Voprosy Statistiki*. 2023;30(4):5–21. (In Russ.)

Введение

Существенное изменение условий функционирования экономики страны способно, как известно, оказывать заметное влияние на ее динамику и структурные характеристики и становиться стимулом к трансформации национальной модели развития. Это определяет важность исследования и учета в государственной политике реакции социально-экономической системы на появление новых значимых изменений в условиях, как специфических факторов ее развития.

В последние годы для России подобные существенные изменения в условиях были связаны с усилиями по подавлению эпидемии коронавируса в 2020–2021 гг. (далее

«фактор COVID-19») и с реакцией в 2022 г. стран НАТО на меры правительства России по защите национальных интересов страны (далее «фактор СВО»). При различной природе этих факторов в характере их влияния на экономику имеется общее – они ограничивают спрос и предложение продукции. Так, борьба с COVID-19 в России и других странах включала, наряду с вакцинацией населения, такие меры как локдауны, ограничения по посещению общественных мест, поездкам и проч. А в период СВО попытки изоляции России от внешних рынков путем ужесточения санкционного давления со стороны Запада (группировки НАТО и зависимых от них стран) резко снизили доступность импорта, в первую очередь, значимого для производственно-ин-

вестиционной деятельности, привели к ограничению экспортных поставок и возможности осуществления финансовых и других внешне-экономических операций.

Целью исследования является оценка влияния этих факторов на динамику и структурные сдвиги в производстве и использовании добавленной стоимости в экономике России, выявление очертаний новой модели развития страны и условий ее выхода на траекторию устойчивого развития.

Экономическая динамика и структурные сдвиги в 2020–2022 годах

В целом российская экономика показала достаточно высокую степень устойчивости к негативному воздействию специфических условий COVID-19 и СВО. Однако ее реакция на эти факторы характеризовалась рядом отличий (на рис. 1 приведены соответствующие параметры в «острый» период коронавируса и в первый год СВО).

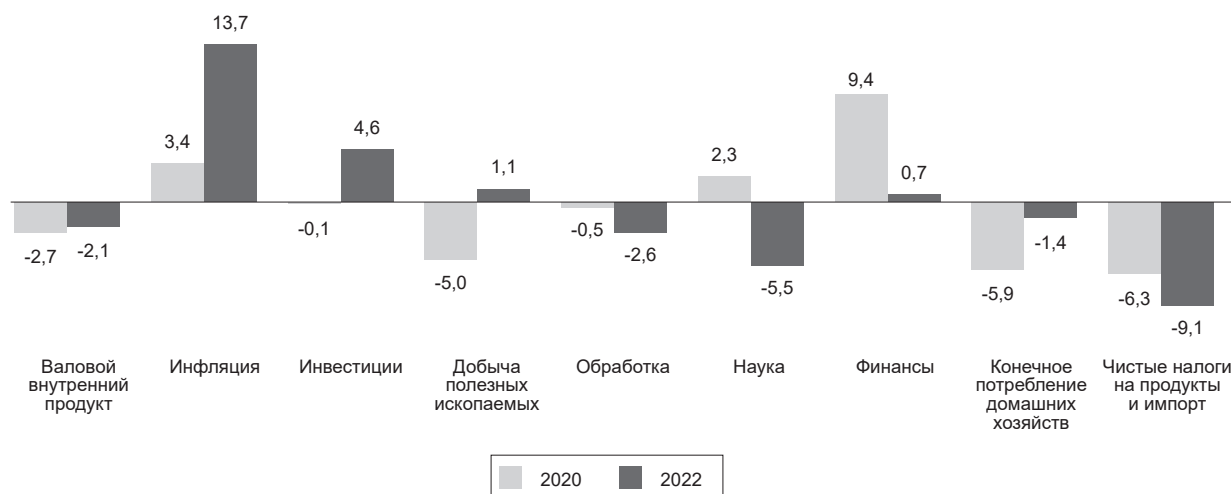

Рис. 1. Динамика макроэкономических показателей в периоды COVID-19 (2020 г.) и СВО (2022 г.)
(темпы прироста, в процентах к предыдущему году)

Наблюдавшееся в период COVID-2019 нарастание во времени трех волн заболеваемости коронавирусом сопровождалось, как показал анализ, быстрым, почти экспоненциальным снижением их негативного влияния на динамику ВВП [1]. Потери в объеме ВВП за 2020 г. были полностью компенсированы в 2021 г., что обеспечило его увеличение к уровню 2019 г. на 2,8%. Экономика вышла на тренд докризисной динамики ВВП – 2,6–2,7% в год. Условия коронавируса, оказав заметное сдерживающее влияние на конечный спрос, изменили его структуру, дали импульс развитию ряда важных высокотехнологичных видов экономической деятельности –

информатизации, финансовой и страховой деятельности, производству лекарственных средств, заметно ускорили практическое внедрение «цифровизации» в российское пространство.

При резком ухудшении внешних условий в 2022 г. экономика России показала более высокую степень устойчивости к возросшему давлению санкций, чем оценивалось аналитиками в начале СВО¹. Этому способствовало сформированное к началу года немалое накопление в запасах, конъюнктура энергетических цен, а также государственные меры поддержки населения и инвестиционного спроса [2]. Отметим, что ряд известных зарубежных экономистов² еще в пер-

¹ См., например, агрегированные результаты макроэкономического опроса Банка России за март – июль 2022 года. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/.

² Дж. Сакс: «Я прогнозирую... развитие событий: значительные негативные последствия для экономики всего остального мира, кроме России... Не санкции останавливают этот конфликт». URL: <https://maxpark.com/community/8211/content/7567933?ysclid=19qxx08d2z97817208>.

Стив Ханке (Институт Дж. Хопкинса): «Россия понесет определенные ущербы от санкций, введенных странами Запада, но они окажутся незначительными по сравнению с тем, что ждет весь остальной мир... издержки будут ошеломляющими для США и Европы... санкции, введенные против России, оказались совершенно неэффективными и неспособными достигнуть заявленной цели». URL: <https://bloknot.ru/e-konomika/amerikanskij-e-konomist-sravnil-ushherb-ot-sanktsij-dlya-rossii-i-zapada-939992.html?ysclid=19qzepllsy583302574>.

Рамон Маркс (обозреватель National Interest): «В результате украинского конфликта США ждет стратегический проигрыш». URL: <https://nationalinterest.org/feature/no-matter-who-wins-ukraine-america-has-already-lost-204288>.

вые месяцы СВО предупреждал о неэффективности экономической войны с Россией как способ принуждения ее к изменению политического курса и высоких ущербах, которые эта война принесет ее инициаторам. Эта же ситуация анализировалась и объяснялась отечественными исследователями [3 и 4].

Так, в 2022 г. фиксировались меньшие, чем в «острый» период коронавируса, потери в реальных объемах ВВП и потреблении домашних хозяйств (рис. 1), но в сфере производства спад/замедление динамики в относительно большей степени затронуло обрабатывающий сегмент

и сектор научных исследований, определяющие технологическое развитие страны, возросла напряженность бюджета страны и инфляция.

Конечное использование продукции. За период 2020–2022 гг. произошли заметные сдвиги в структуре использованного ВВП (см. таблицу 1). По оценке (в текущих ценах рассматриваемых лет), заметно снизилась доля расходов на продукцию для внутреннего конечного использования (ВКИ) экономики и возросла доля чистого экспорта, что в основном определялось ценовыми факторами.

Таблица 1

Структура и динамика использования ВВП в периоды COVID-19, СВО и предшествующие годы

Показатель	Структура ВВП (в текущих ценах), в процентах				Индексы физического объема, в процентах к предыдущему году			Индексы физического объема (в среднем за год), в процентах		
	2019	2020	2021	2022	2020	2021	2022	2017–2019	2020–2021	2020–2022
Валовой внутренний продукт	100	100	100	100	97,3	105,6	97,9	102,3	101,4	100,2
Расходы на конечное потребление:	69,7	71,5	66,6	66,0	96,1	108,0	99,7	103,4	101,9	101,1
домашних хозяйств	51,2	50,9	48,6	47,7	94,1	110,0	98,6	103,9	101,7	100,7
товары	31,0	31,6	29,6	28,3	96,4	109,2	94,5	103,9	102,6	99,8
услуги	11,4	10,9	10,6	10,3	91,6	115,8	103,5	104,1	103,0	103,2
государственного управления	18,1	20,0	17,3	17,7	101,9	102,9	102,8	102,1	102,4	102,5
Валовое накопление:	22,8	23,5	23,2	22,3	95,7	114,1	95,1	102,3	104,5	101,3
основного капитала	20,9	21,6	19,7	20,7	96,0	109,1	103,3	102,1	102,3	102,7
изменение запасов материальных оборотных средств	1,9	1,9	3,5	1,6	-	-	-	-	-	-
Чистый экспорт товаров и услуг	7,6	5,1	9,2	12,6	-	-	-	-	-	-
экспорт	28,4	25,5	29,9	28,2	95,8	103,3	86,1	103,7	99,5	94,8
импорт	20,8	20,4	20,7	15,6	88,1	119,1	85,0	107,5	102,4	96,3
Статистическое расхождение	0,0	0,0	1,0	-0,9	-	-	-	-	-	-

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Оценка «реальных» структурных сдвигов с опорой на индексы физического объема показателей представила иную картину. Доля расходов на ВКИ относительно уровня 2019 г. возросла, по оценке, на 2%, в т. ч. на конечное потребление — на 1,4%, в основном за счет расходов на конечное потребление сектора госуправления (КПГУ) и валовое накопление — на 0,6%, в т. ч. на валовое накопление основного капитала (ВНОК) — на 1,5%.

Динамика расходов по направлениям конечного спроса характеризовалась следующими особенностями.

В 2021 г. был преодолен провал в реальных расходах на конечное потребление домашних хозяйств (КПДХ), отмеченный в 2020 г., и их объем превысил уровень 2019 г. на 3,5%, в 2022 г. это превышение уменьшилось до 2,1%. Снижение КПДХ в условиях СВО в основном определя-

лось сокращением расходов на покупку товаров, но расходы на услуги, в отличие от «острого» периода COVID-19, возросли.

Заметно большим (7,8%) приростом в 2022 г. относительно 2019 г. характеризовались расходы по двум статьям — КПГУ и ВНОК. По этим направлениям имел место устойчиво положительный ежегодный прирост бюджетных расходов.

Оценка в сопоставимых ценах показателя «изменение материальных оборотных средств» (ИЗМОС), как известно, не осуществляется. Однако весьма показательно изменение доли ИЗМОС в ВВП (в текущих ценах) — существенное повышение в 2021 г. относительно предыдущих лет. Наличие подобного накопления в запасах к началу 2022 г. позволило поддержать экономику в период развертывания СВО. Но за 2022 г. этот долевой показатель опустился ниже значений 2019–2020 гг.

Заметное снижение реальных объемов экспорта и импорта в 2022 г. относительно 2019 г. (на 14,8 и 10,8%, соответственно) в основном связано с сокращением объемов внешней торговли в период СВО. При этом влияние санкций было частично компенсировано за счет сдвига торговли с западного на восточно-азиатское направление [5–7]. Так, в 2022 г. во внешнеторговом обороте России доля Китая, Индии, Турции заметно (почти на 15%) возросла относительно 2020 г. и составила 44%.

Доля партнеров по ЕАЭС определилась на уровне 11,3%, а стран ЕС – оценивалась в 38,9%³.

Производственная сфера. Особенности развития конечного спроса в 2020–2022 гг. и процессы по замещению импорта отечественной продукцией в производственной сфере в решающей мере определили динамику отраслей и сдвиги в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) (см. таблицу 2).

Таблица 2

Структура и динамика НДС по отраслям экономики в периоды COVID-19, СВО и предшествующие годы

	Структура ВВП (в текущих ценах), в процентах				Индексы физического объема, в процентах к предыдущему году			Индексы физического объема (в среднем за год), в процентах		
	2019	2020	2021	2022	2020	2021	2022	2017–2019	2020–2021	2020–2022
ВВП	100	100	100	100	97,3	105,6	97,9	102,3	101,4	100,2
ВДС	89,9	90,1	90,7	91,3	97,8	106,1	98,7	102,3	101,9	100,8
в том числе:										
<i>Сектор сырья и обработки</i>	28,0	25,9	29,5	30,2	97,4	104,2	99,9	102,9	100,7	100,5
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,5	4,0	3,9	3,9	100,2	99,2	106,6	102,2	99,7	102,0
Добыча полезных ископаемых	11,5	8,5	11,8	12,7	93,5	103,7	100,4	102,2	98,5	99,1
Обрабатывающие производства	13,0	13,4	13,8	13,6	100,1	105,9	97,6	103,7	103,0	101,2
<i>Инфраструктурный сектор</i>	24,4	24,4	24,4	23,6	98,4	108,1	94,1	102,0	103,1	100,0
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,3	2,4	2,2	2,1	97,0	106,0	100,1	99,9	101,4	101,0
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,5	0,5	0,4	0,4	100,3	115,1	93,2	100,7	107,5	102,5
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	6,2	5,8	5,5	5,6	89,1	107,6	98,2	101,6	97,9	98,0
Транспортировка и хранение	11,6	11,0	11,4	11,2	98,7	105,9	87,3	101,0	102,2	97,0
Деятельность финансовая и страховая	3,9	4,7	4,8	4,3	112,9	114,5	102,8	107,2	113,7	109,9
<i>Инновационный сектор</i>	13,4	14,8	13,3	13,1	98,4	107,4	97,9	102,8	102,8	101,2
Деятельность в области информации и связи	2,4	2,7	2,5	2,5	101,6	109,1	100,6	105,3	105,3	103,7
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,0	4,5	4,0	3,9	99,6	104,3	94,9	103,6	101,9	99,5
Образование	3,0	3,2	2,7	2,6	96,9	100,1	100,1	100,5	98,4	99,0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,1	3,6	3,3	3,2	98,5	114,9	96,8	101,4	106,4	103,1
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,9	0,8	0,8	0,8	89,1	115,4	101,7	105,0	101,4	101,5
<i>Прочие отрасли</i>	24,0	25,0	23,5	24,4	-	-	-	-	-	-
из них:										
Строительство	4,9	4,9	4,5	4,7	96,6	105,4	105,0	99,5	100,9	102,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	8,8	9,3	9,4	9,8	98,1	105,3	100,4	103,1	101,6	101,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	6,5	7,2	6,3	6,5	102,7	103,3	104,1	101,5	103,0	103,4
Чистые налоги на продукты	10,1	9,9	9,3	8,7	93,7	100,9	90,9	102,3	97,2	95,1

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

³ Банк России. Статистические данные к бюллетеню «О чем говорят тренды». № 2 (61). Март 2023 года.

Наблюдавшееся в 2020–2022 гг. ежегодное увеличение доли ВДС в объеме ВВП экономики сопровождалось изменением долевого участия выделенных секторов и отраслей в его формировании. В частности, к 2023 г. заметно повысилась доля отраслей сектора сырья и обработки при снижении доли отраслей инфраструктурного и инновационного секторов (исключение — информационная деятельность и здравоохранение).

Внешнеэкономические условия оказали существенное влияние на динамику производства в секторе добычи и обработки. Так, в 2020 г. в результате падения мировых цен на нефть и действия соглашения ОПЕК+ по ограничению добычи нефти заметно сократились объем производства в секторе добычи и его доля в ВВП. В последующие годы смягчение ограничений по соглашению ОПЕК+, повышение мировых цен на нефть, а также переориентация (2022 г.) части энергетического экспорта в Китай, Индию, Иран и Турцию⁴ способствовали восстановлению положительной динамики и заметному увеличению доли сектора добычи в ВВП.

Сокращение производства в секторе обработки в 2022 г. (на 2,5% к уровню 2021 г.) во многом было связано с некомпенсированным за счет внутреннего спроса уменьшением экспорта химических продуктов и нефтепродуктов, продукции машиностроения. Вместе с тем сокращение экспорта металлов (одна из ведущих позиций в экспорте обработки) было почти полностью компенсировано ростом внутреннего спроса на металлопродукцию — в стране шла реализация крупных металлоемких проектов⁵.

Негативное влияние на развитие производств оказывали ограничения доступности производственно-технического импорта. В первую очередь, заметно пострадала высоко зависимая от импорта комплектующих автотранспортная отрасль. Однако во многих производствах это влияние заметно компенсировалось замещением импорта отечественной продукции⁶ [8 и 9]. Ряд отраслей обработки, относимых в этом плане «к узким мес-

там» экономики, показывал устойчиво положительную динамику (например, производство лекарственных средств, готовых металлических изделий, электроники, машин и оборудования и др.).

Реализация инфраструктурных проектов и рост строительных услуг, а также положительная динамика агрокомплекса стали важными факторами спроса, прямо и косвенно (через систему межотраслевых связей) поддерживавшими все отечественные производства.

В большинстве производств инновационного сектора и в 2020, и в 2022 гг. удалось избежать ощутимого спада, а некоторые из них на протяжении всего периода 2020–2022 гг. показывали устойчиво положительную динамику (например, деятельность в области информационных технологий, в области архитектуры и инженерно-технического проектирования).

Настораживающим является ежегодное сокращение производства в отрасли «научные исследования и разработки». Отметим ситуацию в отраслях, связанных с развитием «человеческого капитала», — медленное восстановление после провала в 2020 г. выпуска услуг образования и сокращение в 2022 г. услуг здравоохранения. Первое, вероятно, можно объяснить ускоренным распространением интернет-схем в образовательном процессе, а второе, очевидно, связано с ослаблением угрозы эпидемии. Важно подчеркнуть, что государственное внимание к этим отраслям не ослабевало — инвестиции в развитие их материальной базы характеризовались положительной динамикой.

Инвестиции в основной капитал. В экстремальной ситуации с резким сужением притока капитала из внешнего мира⁷ экономика показала неплохую способность к инвестированию на основе внутренних ресурсов, не только сохранив, но и несколько повысив (см. таблицу 3) среднегодовые темпы инвестиций в основной капитал относительно 2017–2019 гг. Важную роль в этом играла бюджетная политика.

⁴ Разворот на восток. Центр развития энергетики. Аналитический отчет № 9. Итоговый отчет за 2022 год. URL: https://entr.ru/wp-content/uploads/2022/12/report_2022.pdf.

⁵ Национальные проекты: итоги 2022 года. Sherpagroup. 2023. URL: <https://sherpagroup.ru/analytics/pdf/3f54c93.pdf>.

⁶ Импортзамещение в России: вчера и завтра. 2023. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/814560067.pdf>.

⁷ Платежный баланс Российской Федерации. № 4 (13). IV квартал 2022 года. Информационно-аналитический комментарий. 26 января 2023 года.

Таблица 3

Структура и динамика инвестиций в основной капитал по отраслям экономики в периоды COVID-19, СВО и предшествующие годы

	Структура инвестиций (в текущих ценах), в процентах				Индексы физического объема, в процентах к предыдущему году			Индексы физического объема (в среднем за год), в процентах		
	2019	2020	2021	2022	2020	2021	2022	2017–2019	2020–2021	2020–2022
Всего	100	100	100	100	99,9	108,6	104,6	104,1	104,2	104,3
Сектор сырья и обработки	35,3	35,0	33,7	32,3	99,2	104,5	100,3	102,9	101,8	101,3
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	4,4	4,2	4,1	3,7	96,0	103,4	92,0	105,3	99,6	97,0
Добыча полезных ископаемых	17,0	16,2	14,8	15,2	96,9	100,7	109,2	102,0	98,8	102,2
Обрабатывающие производства	14,0	14,6	14,8	13,4	102,9	109,1	93,7	103,3	105,9	101,7
Инфраструктурный сектор	29,5	28,5	30,0	32,0	95,0	114,1	109,4	103,6	104,1	105,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	5,3	5,6	4,9	4,8	104,1	94,9	102,1	100,3	99,4	100,3
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,0	1,2	1,2	1,2	127,2	107,9	102,5	101,6	117,2	112,0
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	17,2	15,4	16,5	19,1	88,0	116,4	118,9	104,3	101,2	106,8
Транспортировка и хранение	3,7	3,3	4,3	3,9	88,4	139,7	92,4	98,5	111,1	104,5
Деятельность финансовая и страховая	2,3	2,9	3,0	2,9	123,9	112,0	97,1	121,2	117,8	110,5
Инновационный сектор	13,2	15,0	15,3	15,2	111,1	111,5	103,0	112,6	111,3	108,5
Деятельность в области информации и связи	4,0	4,3	4,1	3,8	106,3	105,4	96,0	113,3	105,9	102,5
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,4	4,5	5,5	5,5	101,6	132,8	105,8	115,2	116,2	112,6
Образование	2,0	2,2	2,1	2,1	109,8	100,1	102,7	115,8	104,8	104,1
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	1,7	2,8	2,5	2,5	155,0	95,4	100,5	111,6	121,6	114,1
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1,1	1,1	1,2	1,4	100,8	112,3	120,6	99,9	106,4	110,9
Прочие отрасли	22,0	21,5	20,9	20,6	-	-	-	-	-	-
из них:										
Строительство	3,5	3,7	3,9	4,2	103,9	114,0	115,8	109,9	108,8	111,1
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	14,8	14,1	13,1	12,6	94,6	100,2	102,3	97,6	97,4	99,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	1,6	1,9	1,8	1,7	119,2	105,7	102,8	97,6	112,3	109,0

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

К важным особенностям рассматриваемого периода относится заметный сдвиг в структуре распределения инвестиций — повышение доли инвестиций в инфраструктурном и инновационном секторах при снижении доли сектора сырья и обработки и ряда прочих отраслей. Оценка среднегодовых темпов роста инвестиций показывает их устойчивое увеличение в инфраструктурном секторе, что во многом связано с реализацией ряда инфраструктурных проектов, начатых в 2021 г. и достаточно интенсивно продолженных в 2022 г. Это способствовало решению ряда задач и в период СВО. Более высокую динамику инвестирования показывал инновационный сектор, от которого во многом зависит качество «человеческого капитала» и качество жизни людей. В отличие от выше-

указанных секторов, где в инвестировании высока роль государства, динамика инвестиций в сектора сырья и обработки в целом характеризовалась невысокими и замедляющимися темпами. Сказывалось осложнение внешних условий, тормозящее активность частного бизнеса.

Шок как стимул. Анализ динамики ВВП инструментальными методами

В основе волнообразности экономической динамики лежат, как известно, две группы факторов. Это факторы кратковременного действия, вызывающие конъюнктурные колебания спроса, а также факторы фундаментального характера

(труд, капитал, научно-технический прогресс), определяющие изменение производственных возможностей страны.

Мы полагаем, что с позиций национальной экономики к факторам фундаментального действия можно отнести также и масштабные экономические и социальные шоки, что согласуется с тезисом А. Тойнби⁸ [10 и 11] о развитии крупных

социально-экономических систем по принципу («вызов-ответ», или «шок-реакция»). К подобным шокам можно отнести войны, мировые кризисы, смену моделей управления и специфические условия 2020–2022 гг. Обращаясь к ретроспективе (см. рис. 2), можно отметить регулярность подобных шоков и оценить силу восстановительных способностей страны.

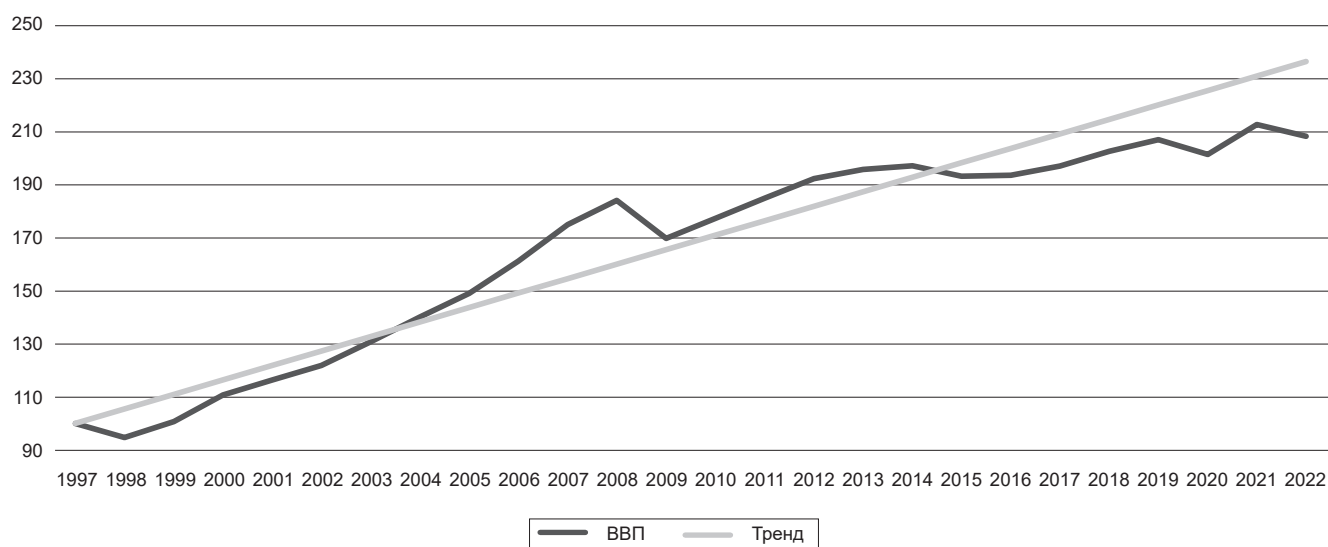

Рис. 2. Динамика ВВП России в 1998–2022 гг. (в процентах к 1997 г.)

Резкое ухудшение условий, обнажив слабые места в устойчивости экономики, потенциально способно придать импульсы ее развитию на основе более полного и эффективного использования ресурсов, включая мировые и национальные научно-технологические разработки. Отметим, что при определенных условиях реакция на шок может стать причиной нового национального экономического цикла с переходом на более высокие технологии развития.

Анализ динамики ВВП на основе метода межотраслевого баланса и макроэкономической функции России. Факторный анализ динамики ВВП проводился двумя методами, каждый из которых был нацелен на решение своей группы аналитических задач. Для оценки меры влияния в 2022 г. внешнеторговых ограничений и внутреннего конечного спроса на динамику добавленной стои-

мости видовых производств использовался подход на основе метода межотраслевого баланса [12 и 13]. Для факторного анализа потенциальной динамики ВВП и оценки разрывов применялась макроэкономическая функция России [1, 14].

Анализ динамики ВВП в 2022 г. на основе таблиц «затраты-выпуск». Общие потери в «физическом» объеме ВВП в 2022 г. относительно уровня 2021 г. составили 2,1%, в т. ч. за счет снижения ВДС потери в ВВП составили 1,14%, остальная часть потерь связана с уменьшением чистых налогов на продукты (ЧНП). При расчете меры прямого и косвенного влияния изменений в объеме экспорта и промежуточного импорта на формирование ВДС (и, соответственно, ВВП) экономики применены таблицы ресурсов и использования (ТРИ) за 2021 и 2022 гг. в основных ценах соответствующих лет⁹, на основе которых была

⁸ Отметим, что научным сообществом взгляды А. Тойнби по этому вопросу неоднозначно восприняты, в частности, критиковались Л.Н. Гумилевым. URL: <https://web.archive.org/web/20140331004016/http://lib.web-alina.com/getbook.php?bid=1625&page=1>.

⁹ Оценки ТРИ за 2021 и 2022 гг. составлены в Центре макроэкономического прогнозирования и структурных исследований ИМЭИ (ВАНТ) и носят ориентировочный характер. Авторы выражают глубокую благодарность Каширской С.И. — заведующей лабораторией межотраслевого баланса Центра за разработку и предоставление оперативных оценок этих таблиц.

составлена экспертная оценка ТРИ за 2022 г. в ценах 2021 г., а также метод отраслевых технологий при симметризации таблиц использования отечественной и импортной продукции. Применялась схема расчета с выделением влияния факто-

ров конечного спроса (внешнего и внутреннего) и с учетом смещения пропорции между коэффициентами затрат отечественной и импортной продукции в технологической матрице экономики. Итоговый результат расчета приведен в таблице 4.

Таблица 4

Факторный анализ потерь в реальном объеме ВВП в 2022 г. за счет динамики ВДС
(в процентах к уровню ВВП за 2021 г.; экспериментальные оценки)

№ п/п		ВДС	в том числе в группах*	
			товаров	услуг
1	Изменение ВДС экономики в 2022 г. (в ценах 2021 г.) — всего	-1,14	-0,05	-1,09
Факторы, влиявшие на ВДС (оценка по чистым производствам**)				
2	Изменение физического объема поставок отечественной продукции в конечное использование (без учета изменения импортостоемости производств) (3+4)	-2,32	-0,88	-1,44
3	в том числе: на экспорт	-3,13	-1,66	-1,46
4	на внутреннее потребление и накопление (ВКИ)	0,80	0,78	0,02
5	Изменение импортостоемости выпуска и замещение промежуточного импорта отечественной продукцией (6+7)	1,22	0,82	0,40
6	Эффект при производстве экспортной продукции	0,33	0,23	0,10
7	Эффект при производстве продукции для ВКИ	0,89	0,60	0,30
8	Совокупное влияние факторов — всего (2+5)	-1,10	-0,06	-1,04
9	в том числе: по линии экспорта (3+6)	-2,80	-1,44	-1,36
10	по линии ВКИ (4+7)	1,70	1,38	0,32

* В группу «товары» включены видовые позиции А, В, С, D и Е (в соответствии с классификатором ОКВЭД2), в группу «услуги» — все прочие видовые позиции.

** Расхождения в суммарных оценках связаны с округлением данных.

Источник: расчеты авторов на основе оперативных оценок ТРИ за 2021–2022 гг. Центра макроэкономических и структурных исследований ВАВТ, составленных на основе отчетности Росстата, ФТС России, Банка России, Минфина России и др. ведомств.

Показатели в строке 1 в таблице 4 оценены по данным статистики СНС об изменении реального объема ВДС в отраслях экономики в 2022 г. относительно 2021 г. Оценки в строках 2–4 показывают, как изменилось бы в 2022 г. производство ВДС только за счет изменения динамики и видовой структуры конечного спроса на отечественную продукцию (товары и услуги) для экспорта и внутреннего использования при отсутствии в 2022 г. структурных изменений в матрице коэффициентов прямых затрат. Однако структурные изменения в матрице имели место, поскольку поставки промежуточного импорта заметно (по оценке, на 18,1%) сократились и часть их (11,8%) была замещена отечественной продукцией. Это привело к повышению коэффициентов затрат отечественной продукции в 2022 г. и обусловило при сложившемся уровне конечного спроса дополнительную потребность в выпуске и соответствующий прирост ВДС. Этот положительный эффект показан в строках 5–7. В экономике одновременно действовали два

фактора — менялся конечный спрос и менялась (снижалась практически во всех выделенных производствах) доля импорта в коэффициентах промежуточных затрат с соответствующим повышением доли затрат отечественной продукции. Совокупное влияние указанных факторов на формирование ВВП представлено в показателях строки 8.

Решающее влияние на сокращение реальных объемов ВВП оказало сокращение объемов экспорта и некоторые ограничения доступности промежуточного импорта. Потенциальные негативные эффекты от сужения объема экспорта (-3,1% к ВВП 2021 г.) частично компенсировались за счет расширения внутреннего конечного спроса на определенные виды отечественной продукции (положительная динамика инвестиционного спроса, спроса на услуги со стороны государства и населения) и за счет переориентации промежуточного спроса с импортной на отечественную продукцию. Положительное влияние первого фактора составило 0,8%, а второго — 1,2%.

Импортоемкость производственного сектора в целом снизилась с 5,8 до 4,8%. Изменение в уровне импортоемкости было обусловлено как процессами замещения, так и структурными сдвигами в производстве. В частности, существенную роль сыграло сокращение (почти на 12%) машиностроительного производства, развитие которого во многом по-прежнему связано с поставками промежуточного импорта. Таким образом, ряд непреодоленных ограничений по импорту, наряду с другими факторами (внешними и внутренними),

тормозящими спрос на отечественную продукцию, оказывали сдерживающее влияние на развитие экономики.

Анализ динамики ВВП на основе макроэкономической функции России. Анализ экономической динамики России на основе макроэкономической функции ее ВВП (см. таблицу 5) показал увеличение разрыва в фактических и потенциальных темпах прироста ВВП, как характерное для периодов с существенным изменением условий.

Таблица 5

Динамика и вклады основных факторов в рост ВВП в 2003–2021 годах

№ п/п	Наименование	2003–2008 (в среднем за год)	2009	2010–2014 (в среднем за год)	2015–2019 (в среднем за год)	2020	2021	2022	2020–2022 (в среднем за год)
Факторы роста ВВП									
1	Цена на нефть, доллар/баррель	56,2	61,1	100,4	55,9	41,4	69,1	79,7	63,4
2	Численность рабочей силы, темп прироста, процентов	0,8	0,0	-0,1	-0,1	-0,6	0,6	-0,6	-0,2
3	Инвестиции, темп прироста, процентов	15,1	-13,5	4,6	0,4	-0,1	8,6	4,6	4,4
4	Основной капитал, темп прироста, процентов	5,8	6,3	6,3	2,5	3,2	4,2	4,5	4,0
5	Экспорт, темп прироста, процентов	5,8	-3,3	2,2	4,0	-1,3	1,5	-14,0	-4,6
6	Инвестиции в инновационный комплекс, темп прироста, процентов	17,7	-21,2	3,4	7,1	12,1	11,4	6,9	10,1
7	Инновационный фонд, темп прироста, процентов	7,9	3,3	3,6	1,3	4,3	5,6	5,9	5,3
Вклады факторов, темп прироста ВВП, п. п.									
8	Численность рабочей силы	0,5	0,0	0,0	0,0	-0,4	0,3	-0,3	-0,1
9	Основной капитал	2,3	2,5	2,5	1,0	1,3	1,6	1,8	1,6
10	Экспорт	1,0	-0,5	0,4	0,7	-0,2	0,2	-2,3	-0,8
11	Инновационный фактор	1,5	0,4	0,4	0,2	0,7	0,7	0,6	0,7
Фактический и потенциальный темп прироста ВВП, п. п.									
12	ВВП потенциальный (8+9+11)	4,3	2,9	2,9	1,2	1,5	2,7	2,0	2,1
13	Циклические и прочие факторы (14-12)	2,9	-10,7	0,2	-0,2	-4,2	2,9	-4,1	-1,8
14	ВВП фактический (произведенный)	7,1	-7,8	3,1	1,0	-2,7	5,6	-2,1	0,3

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

В частности, в 2022 г. потенциальный темп прироста ВВП оценивался в 2%, а фактический – (-)2,1%. Разрыв между вторым и первым составил (-) 4,1%, в т. ч. за счет экспорта – (-)2,3, за счет совокупного влияния прочих факторов – (-)1,8%.

Основным фактором роста ВВП в 2020–2022 гг., как и ранее, оставалась динамика развития материально-технической базы экономики: при среднем темпе прироста потенциального ВВП в 2,1% в год, на фактор основного капитала приходилось около 1,6%, т. е. порядка 75% общего прироста потенциального ВВП. Устойчиво положительный

и достаточно заметный потенциальный прирост ВВП формировался и за счет темпов развития инновационного фонда¹⁰. Влияние динамики рабочей силы меняло знак и оказывало существенно менее значимый по абсолютному значению вклад.

Сохранение в среднесрочной перспективе определяющей роли инвестиционного фактора в формировании потенциала для развития представляется вполне очевидным. Вопрос в достаточности инвестиций для ускорения выхода страны на траекторию устойчивого развития в условиях наблюдаемого перехода России к новой модели развития.

¹⁰ В модели динамика инновационного фонда, согласно принципу своего построения (как динамика накопленных за предыдущие 7–10 лет инвестиций в информатику, образование, здравоохранение, культуру), играет роль «прокси» для оценки условий, влияющих на «качество рабочей силы» [1].

О новой модели развития. Необходимое и достаточное в принятии решений

Новые внешние условия с ожидаемой долговременностью и ужесточением антироссийской политики Запада с неизбежностью предполагают в среднесрочном периоде переход России к новой модели развития, признаки которой появились уже с 2014 г. и усилились в 2022 г.

Ее особенности — опора в основном на собственные силы, изменение приоритетов в «географии» внешних связей, усиление роли государственной политики в обеспечении ускорения структурных сдвигов в экономике и консолидации общества, повышении нагрузки на государственные органы по купированию угроз безопасности страны. Существенно возрастет роль стратегического планирования и всесторонней проработки целевых прогнозов.

Успешность выхода России в рамках новой модели на траекторию роста в новом технологическом цикле с адаптацией к тенденциям мирового научно-технологического развития в решающей мере будет определяться интенсивностью и структурными характеристиками инвестиционного процесса.

Мировые тренды технологического развития и узкие моменты в технико-технологической самообеспеченности России [12, 13, 15] достаточно жестко указывают направления, в русле которых необходимо концентрировать усилия для укрепления ее экономической (в т. ч. технической и технологической) безопасности.

Может ли Россия решить эти задачи, избежав той угрозы примитивизации своей структуры и снижения технологического уровня в результате блокирования доступа к западным рынкам высокотехнологичной продукции, о которой говорил А. Аузан¹¹ и некоторые западные аналитики? В 2022 г., как отмечалось выше, действительно наблюдались некоторые признаки ухудшения производственной структуры. Но это временные проблемы. Наличие емкого внутреннего рынка и высокая обеспеченность природными ресурсами, укрепление связей с дружественными и нейтральными странами, активизация государственных мер в области инновационной политики, и главное — сохранение и развитие кадрового

потенциала, условий для реализации творческих способностей людей, — те факторы, которые обеспечат преодоление негативных тенденций.

В условиях новой модели развития заметно повышается потребность в усилении *системного подхода* к решению практических задач в области государственного управления и стратегического планирования: выбор и согласование направлений инвестирования, выявление и привлечение источников средств для инвестирования, организация реализации задач инвестирования. Отметим особенности этих задач на современном этапе.

О разработке целевого инвестиционного прогноза и его согласовании с материальными ресурсами. Одно из важных направлений совершенствования работ по составлению целевых социально-экономических прогнозов — разработка отраслевых инвестиционных прогнозов, согласованных с отраслевыми производственными программами/прогнозами развития отраслей. Именно отрасли (как совокупность хозяйствующих субъектов) являются реальным «объектом» государственного регулирования, управления и контроля. Прогноз развития их производственной базы и соответствующих потребностей в инвестиционных ресурсах — финансовых и материальных, должен, на наш взгляд, находиться в центре внимания при разработке целевых прогнозов развития экономики. Пока задаче согласования на отраслевом уровне производственных и инвестиционных прогнозов ведомствами, разрабатывающими прогнозы, должного внимания не уделяется. Возможно, в силу сохранения определенных теоретических представлений относительно ее незначимости для прогнозирования рыночной экономики и достаточности учета лишь планируемой потребности в средствах для реализации национальных программ и проектов.

Актуальность отмеченной проблемы заметно возрастает в ожидаемых условиях среднесрочной перспективы с ограниченным доступом к мировым рынкам товаров и капитала. Для определения объема необходимых инвестиций могут использоваться методы на основе факторного анализа отраслевого инвестиционного спроса (детальнее см. [16]), а также балансовые методы с опорой на динамическую постановку межотраслевой модели. В этом направлении работает ряд научных

¹¹ Аузан А.А. Страна потеряла главный козырь. URL: <https://www.forbes.ru/rubriki-kanaly/video/486325-aleksandr-auzan-forbes-strana-poterela-glavnyj-kozyr?ysclid=lhly5kv88j32854878>. Аузан А.А. Россия выстроит экономику НЭПа 2.0. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/62f384b89a79473c922501e1>.

коллективов и их результаты могут быть полезны при составлении целевых прогнозов.

Говоря об отраслевых производственно-инвестиционных прогнозах с учетом эффектов от реализации национальных программ и проектов, имеющих многоотраслевой характер, подчеркнем важность совершенствования методического обеспечения отбора инвестиционных проектов при решении сложных многоцелевых задач. Оно, наряду с традиционной оценкой экономических эффектов от каждого отдельного проекта, должно предусматривать взаимную согласованность всего набора проектов по решению соответствующих подзадач, выделяемых в рамках многоцелевой задачи.

О финансовых источниках инвестиций. Как известно, внутренний финансовый потенциал для инвестирования длительное время не использовался с достаточной степенью полноты на нужды отечественной экономики — значимая его часть направлялась в экономику других стран. Даже

в особых условиях 2022 г. сохранялся высокий разрыв между объемами валового сбережения и валового накопления (порядка 6,5% к объему валового располагаемого дохода страны), у частного сектора¹² заметно возросли накопления в чистых иностранных финансовых активах по статье «прочие инвестиции».

В экономике имеются внутренние возможности для финансового обеспечения повышенного инвестиционного спроса. В первую очередь, они связаны с политикой организаций по реинвестированию прибыли в отечественную экономику, доступностью заемных средств в банковской системе и с бюджетной политикой по прямому инвестированию экономики. Например, объем прибыли крупных и средних организаций (это порядка 72–79% ее общего объема) не только превышал совокупный объем инвестиций за счет всех источников, поступающих в сегмент крупных и средних организаций, но (с 2018 г.) и совокупный объем инвестиций в целом по экономике (см. таблицу 6).

Таблица 6

Соотношение прибыли прибыльных крупных и средних организаций (КСО) с объемом инвестиций в основной капитал (до налогообложения)

	2017	2018	2019	2020	2021	2022*
Соотношение прибыли КСО с совокупным объемом инвестиций в экономику	0,88	1,03	1,07	1,04	1,65	1,32
Соотношение прибыли КСО с совокупным объемом инвестиций в КСО	1,15	1,34	1,40	1,37	2,16	1,72
Инвестиции в КСО, связанные с прибылью КСО, в процентах к прибыли КСО	58	50	48	48	31	38
<i>Справочно:</i> Рентабельность (продаж) КСО в целом	6,7	10,7	10,8	9,4	14,7	14,2

* Предварительная оценка.

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Переориентация только 1% прибыли этих организаций на инвестиции во внутреннюю экономику позволила бы дополнительно повысить их объем за последние четыре года почти на 5% (в сопоставимых ценах), что равнозначно увеличению среднегодового темпа прироста на 1,1–1,2%. В дальнейшем инвестирование за счет прибыли будет связано как с динамикой прибыли, так и с изменением готовности бизнеса инвестировать ее в российскую экономику.

Отметим, что прибыль во многом обусловлена экспортной деятельностью, а значимый для России

рынок ЕС, как можно ожидать, в ближайшие годы будет еще более закрыт. Вместе с тем, учитывая переориентацию в 2022 г. части экспорта на восточное направление, в страны с высокими темпами роста, можно предположить, что динамика спроса на российскую продукцию со стороны этих стран будет близка к их темпам развития. Степень замещенности потерь на одном рынке сбыта российской продукции приростом спроса на других будет определяться пропорциями в географическом распределении российского экспорта видов продукции, сдвигами в ценах и ценовых соотношениях¹³.

¹² Платежный баланс Российской Федерации. № 4 (13). IV квартал 2022 года. Информационно-аналитический комментарий. 26 января 2023 года.

¹³ Аналитики РБК, указывая на риски в 2023 г. недополучения нефтяных доходов, приводят следующее сообщение агентства Bloomberg: «...сейчас российская нефть уходит из портов по \$38 за баррель — на 50% дешевле, чем стоит международный эталон Brent, а условия скидок диктуют покупатели в Индии и Китае». URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/01/2023/63bc725f9a79476b-85142f34?ysclid=lln3l25jds793399708>. Банк России, подводя итоги IV квартала 2022 г., указывает на расширение дисконта цены нефти марки Urals к марке Brent до 29% в среднем по кварталу (Платежный баланс Российской Федерации. № 4 (13). IV квартал 2022 года. Информационно-аналитический комментарий. 26 января 2023 года).

Таблица 7

Структура и динамика инвестиций в основной капитал российской экономики по источникам финансирования
(в процентах)

№ п/п		Соотношение с ИОК КСО					Индексы стоимости					Индексы физического объема				
		2018	2019	2020	2021	2022	2018	2019	2020	2021	2022	2018	2019	2020	2021	2022
1	ИОК* экономики – всего (2+15)	130,4	131,3	132,1	131,2	130,5	110,9	108,7	105,5	114,0	119,9	105,4	102,1	99,9	108,6	104,6
2	ИОК КСО** – всего (3+4)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	111,2	108,0	104,8	114,7	120,5	105,7	101,4	99,3	109,3	105,2
	в том числе:															
3	собственные средства (прибыль, амортизация)	53,0	55,0	55,2	56,0	54,2	114,9	112,0	105,3	116,3	116,7	109,2	105,2	99,7	110,8	101,8
4	привлеченные средства (5+8+9+10+13)	47,0	45,0	44,8	44,0	45,8	107,4	103,4	104,3	112,8	125,4	102,0	97,1	98,8	107,5	109,4
	из них:															
5	кредиты банков – всего	11,2	9,8	9,9	11,0	9,7	111,8	93,8	106,5	127,7	105,6	106,2	88,1	100,9	121,7	92,1
	в том числе:															
6	отечественные	6,8	7,8	8,2	9,1	8,4	131,4	123,4	110,1	128,6	110,6	124,8	115,9	104,3	122,5	96,5
7	иностранные	4,4	2,0	1,8	1,9	1,3	90,9	48,4	92,5	123,4	81,2	86,4	45,5	87,6	117,6	70,9
8	заемные средства других организаций	4,3	4,8	4,9	4,5	5,4	87,9	121,7	105,8	107,4	143,4	83,5	114,3	100,2	102,3	125,1
9	инвестиции из-за рубежа	0,6	0,4	0,3	0,4	0,3	90,3	75,1	77,7	133,5	86,8	85,8	70,6	73,6	127,2	75,7
10	бюджетные средства – всего	15,3	16,2	19,1	18,3	20,2	104,1	114,3	123,7	109,6	133,3	98,9	107,4	117,1	104,5	116,3
	в том числе:															
11	федеральный бюджет	7,6	7,6	8,7	8,0	9,6	98,8	108,8	119,0	106,2	144,1	93,8	102,2	112,7	101,2	125,7
12	бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты	7,7	8,6	10,4	10,2	10,6	110,0	119,8	127,9	112,5	124,8	104,5	112,5	121,1	107,2	108,9
13	прочие источники	15,6	13,8	10,6	9,8	10,3	115,5	95,6	80,3	106,4	126,1	109,8	89,8	76,1	101,4	110,0
14	из них средства выходящих организаций (оценка***)	9,9	7,8	5,9	5,5	5,8	114,4	84,8	79,6	107,3	126,6	108,7	79,6	75,4	102,3	110,4
15	ИОК малых организаций и неформальных	30,4	31,3	32,1	31,2	30,5	110,0	111,2	107,7	111,6	117,8	104,5	104,4	101,9	106,4	102,8
	Справочно:															
16	Иностранные источники – всего (7+9)	5,1	2,4	2,1	2,3	1,5	90,8	51,8	89,8	125,0	82,2	86,3	48,6	85,0	119,1	71,7
17	Источники, связанные с прибылью КСО (3+8+14)	67,2	67,6	66,0	66,1	65,4	112,7	108,6	102,3	114,8	119,4	107,0	102,0	96,9	109,4	104,2

* ИОК – инвестиции в основной капитал.

** КСО – крупные и средние организации.

*** Оценка с учетом ретроспективных данных о структуре «прочих источников».

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Важный источник средств — кредиты банков. Однако их реальный объем в 2022 г. заметно уменьшился не только от иностранных, но и от отечественных банков (см. таблицу 7). Сказалось повышение денежным регулятором ключевой ставки в рамках антиинфляционных мер, а также уход с рынка нерезидентов, осторожное отношение бизнеса к займам на инвестирование в развитие в период СВО.

Снижение (вслед за ключевой ставкой Банка России) цены заемных средств в банковской системе при умеренной инфляции может заметно стимулировать инвестиционный процесс. Так, при планируемом снижении инфляции с 13,7 до 5,2% в 2023 г. и до 4,0% в среднесрочной перспективе, можно ожидать понижения ключевой

ставки до 6,0—5,5%, что будет способствовать росту спроса на заемные средства. По оценке, за счет этого фактора (при позитивных ожиданиях спроса) объем инвестиций, к примеру, в 2023 г. может быть повышен на 1,3—1,5%. Хотя это и т. н. «разовый» эффект, он выводит экономику на более высокий уровень инвестирования, дальнейшая реальная динамика которого будет определяться и политикой по ключевой ставке, и другими факторами.

Отметим, что после существенного роста инвестиций за счет бюджетных средств в 2023 г. (см. таблицу 7) рассчитывать на дальнейшее заметное увеличение поступлений из этого источника при планируемых расходах федерального бюджета¹⁴ (см. таблицу 8) трудно.

Таблица 8

Динамика доходов и расходов федерального бюджета в 2020–2025 годах*

Показатель	Отношение к ВВП, в процентах						Темп роста, в процентах к предыдущему году				
	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2021	2022	2023	2024	2025
Доходы федерального бюджета	16,6	18,8	18,4	17,4	17,1	16,4	121	111	94	104	103
Расходы федерального бюджета	17,6	18,0	20,6	19,4	18,4	17,1	109	130	93	101	99
Профицит (+)/дефицит (-)	-1,0	0,8	-2,2	-2,0	-1,4	-0,7	-	-	-	-	-

* 2023–2025 гг. — плановые значения.

Таким образом, при определенных условиях имеется возможность увеличить годовые темпы прироста инвестиций относительно среднего за период предыдущих четырех лет темпа (3,8%). Однако остается вопрос — как трансформировать имеющийся финансовый ресурс в соответствии с целевыми задачами страны. Вариантов, по сути, два — механизм частно-государственного партнерства и внутренний заем у бизнеса. И первое, и второе требуют уверенности бизнеса в обоснованности, необходимости правительственных решений.

О необходимом и достаточном в принятии решений. Инициированные государством проекты и предпринимаемые меры по их реализации являются необходимыми условиями для решения задач СВО и достижения долгосрочных целей. Вопрос состоит в их достаточности. Зачастую между «областью необходимых» и «областью необходимых и достаточных» решений существует разрыв.

Существование подобного разрыва характерно для практики работы вертикально-ориентированных структур, когда каждое звено стремится подчеркнуть значение относительно более узкого участка работы, как необходимого, поскольку от этого зависит распределение ограниченных на каждом этапе ресурсов. При этом не столь масштабные «периферийные» задачи могут оставаться без должного внимания, отодвигаться на следующий этап, как отвлекающие от «главного» в рамках основных функций. Однако отсутствие оперативности в решении «периферийных» задач может в конкретной ситуации заметно понизить эффект от «главного». Отметим, что опыт начала СВО здесь очень показателен (например, ситуация с сетевым управлением и сопровождением, малыми летательными аппаратами и проч.). Он с особой яркостью высветил проблему согласования необходимого и достаточного в принятии управленческих решений.

Вопрос о согласовании необходимого и достаточного — это также и вопрос об усилении систем-

¹⁴ Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=437843&ysclid=lnl1tolxnf808904226#h24>.

Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета. Январь — декабрь 2022 года. Счетная палата Российской Федерации, 2023. URL: biseitkt3xdjgp8pxvbvdup33xq3a7yw.pdf (ach.gov.ru).

ного подхода при выработке решений в условиях новой модели развития, о котором говорилось выше. Он в полной мере относится к реализации национальных программ и проектов, мерам реализации целевых прогнозов и стратегических задач развития страны.

Обеспечение критерия достаточности на каждом уровне вертикальных и горизонтальных связей системы управления, включая ее низовые звенья, требует повышения инициативности, гибкости и оперативности реагирования лиц, принимающих решения, — только «сверху» невозможно во всей полноте предусмотреть «пакет мер и действий» для достижения цели.

Такой подход может быть обеспечен лишь при проявлении высокой солидарности усилий в достижении конечной цели. Решение сложных задач современного этапа развития страны предполагает формирование государственной идеи, идеологии и политики, которые отвечают исконным интересам народа, его культуре, традициям и менталитету и способны консолидировать общество на основе понимания целей развития страны и согласия с предлагаемыми путями и средствами их достижения. Гражданское согласие, развитие и реализация творческого потенциала нашего народа может обеспечить тот синергетический эффект, который станет решающим фактором выхода страны на устойчиво высокие позиции в формирующейся системе многополярного мира. Понимание важности этих условий имеется и в правящей элите, и в обществе¹⁵ — острым предметом дискурса сегодня становится вопрос о способах их достижения¹⁶.

Заключение

Экономика России, испытав в 2020–2022 гг. последовательно действие двух шоковых факторов, вновь показала достаточно высокие адаптивные качества, подтвердив, что кризис, наряду с негативными последствиями, способен нести

мощный импульс к структурным преобразованиям и развитию.

Условия эпидемии и санкционных ограничений, с одной стороны, ограничили активность ряда отраслей, но с другой стороны, ускорили развитие ряда важных высокотехнологичных производств, активизировали замещение импорта отечественной продукцией. Пройдя через воздействие коронавируса, экономика подготовила по ряду направлений предпосылки и заделы, которые позволили с меньшими, чем ожидалось, потерями пройти в 2022 г. и через действие ограничений, обусловленных санкциями западных стран.

В сфере производства и использования продукции и дохода за 2020–2022 гг. произошел ряд структурных сдвигов, несколько различных при оценке их в текущих и сопоставимых ценах.

При оценке в текущих ценах в формировании ВВП фиксируется рост доли сектора сырья и обработки, снижение доли инфраструктурного и инновационного секторов. В целом отмечается некоторое ухудшение структуры производства. В использовании ВВП заметно снизилась доля расходов на продукцию для внутреннего конечного использования экономики и возросла доля чистого экспорта (влияние ценового фактора).

Однако оценка в сопоставимых ценах, напротив, показала рост доли внутренних конечных расходов — и на потребление, и на накопление основного капитала при снижении доли экспорта.

Отмечен и ряд других положительных тенденций, характерных для перехода на новую модель развития.

В структуре распределения инвестиций в основной капитал при сокращении доли сектора сырья и обработки увеличилась доля инфраструктурного и инновационного секторов экономики. Заметно сократилась доля импорта в стоимости использованной конечной продукции.

Отмечается компенсация негативных явлений, связанных с ухудшением внешнеэкономических условий. В частности, получен вывод, что потен-

¹⁵ Е. Панина (директор Института РУССТРАТ): «...сегодня остро стоит задача наконец сформулировать национальные идеологические основы...перестроить всю нашу политику, во всех абсолютно сферах, таким образом, чтобы поднять национальное достоинство нашей страны на совершенно новый уровень... у нас очень недооценен наш ресурсный кадровый потенциал... Соединить человеческий потенциал и мощнейшую базу материальных ресурсов... — это масштабная задача. Пока этого никак не удастся сделать.» (Из выступления на круглом столе «Россия: какой образ будущего отвечает целям национального развития?») URL: <https://dzen.ru/a/YrlGjsvNgzFogHZk>.

¹⁶ См., например: Хубиев Р. Признаки сверхдержавы: почему в России идеологии нет, а в США есть? URL: <https://regnum.ru/news/polit/2568508.html>. Шитов А. Символ веры и предмет национальной гордости. К юбилею главного свода гражданских прав США. URL: <https://tass.ru/opinions/13156551?ysclid=lnhpyl9a7p317023362>. Алухтин Ю. Будут ли внесены в Конституцию России положения о государственной идеологии. URL: <https://topwar.ru/167033-budut-li-vneseny-v-konstituciju-rossii-polozhenija-o-gosudarstvennoj-ideologii.html?ysclid=lhq8huw7ba724898707>.

циальное негативное влияние на ВДС экономики сокращения физических объемов экспорта и импорта, оцениваемое на уровне 3,1% ВВП, было компенсировано на 1,2% за счет переориентации промежуточного спроса с импортной на отечественную продукцию и на 0,8% — за счет изменения объема и структуры внутреннего конечного спроса.

В целом ухудшение внешних условий и трудности, связанные с проведением СВО, наряду с временными негативными явлениями и потерями, создали импульс для ускорения перехода экономики к новой модели развития, основанной во многом на внутренних источниках и консолидации общества, структурных преобразованиях, расширении связей с дружественными и нейтральными странами и имеющей ряд других особенностей.

Реализация инвестиционных проектов с участием государства и бизнеса, наряду с усилением комплексного, научного подхода в подготовке решений, способна индуцировать новый технологический цикл в развитии России, отвечающий мировым тенденциям технологического развития. У России, как показано в статье, есть необходимый и достаточный потенциал для решения такой задачи.

Литература

1. Куранов Г.О. и др. Факторы экономического роста в 2011–2021 годах и их отражение в макроэкономических моделях // Вопросы статистики. 2022. Т. 29. № 3. С. 5–25. doi: <https://doi.org/0.34023/2313-6383-2022-29-3-5-25>.
2. Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 130 с.
3. Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. Т. 3. № 55. С. 193–198. doi: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10>.
4. Тимофеев И.Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №. 4. С. 136–152.
5. Спартак А.Н., Чеклина Т.Н. Торгово-экономическое сотрудничество России со странами Европы до и после начала специальной военной операции // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 2. С. 8–46. doi: <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-2-8-46>.
6. Клунко Н.С., Егорова Л.В. Промышленная трансформация России на фоне специальной военной операции: санкции и параллельный импорт // Интерактивная наука. 2023. Т. 3. № 79. С. 72–77.
7. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. Т. 3. № 55. С. 218–226. doi: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>.
8. Развитие экономического и промышленного потенциала российского государства в условиях технологической блокады и санкций Запада: советский опыт и современные решения / С.В. Чуев, В.Я. Афанасьев, С.Ю. Белоконов [и др.]. М.: Государственный университет управления, 2023. 258 с.
9. Алаухова О.И. Импортзамещение в условиях преодоления внешнего санкционного давления // Вестник Евразийской науки. 2022. Т. 14. № 3. URL: <https://esj.today/PDF/26ECVN322.pdf>.
10. Тойнби А.Дж. Постигание истории: Сборник. Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Айрис-Пресс: Рольф, 2001. 637 с.
11. Тойнби А.Дж., Хантингтон С.Ф. Вызовы и ответы. Пер. с англ. П. Черемушкина и др. Как гибнут цивилизации. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. 286 с.
12. Стрижкова Л.А. Использование таблиц «затраты-выпуск» при оценке зависимости российской экономики от импорта и процессов импортзамещения // Вопросы статистики. 2016. № 5. С. 3–22.
13. Стрижкова Л.А., Тишина Л.И., Селиванова М.В. Структурные сдвиги в экономике России и ее импортотомкости в 2014–2019 годах: анализ макроэкономической статистики // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 5. С. 5–27. doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-5-27>.
14. Куранов Г.О. Об исследованиях экономической динамики для целей прогнозирования // Вопросы статистики. 2014. Т. 21. № 6. С. 8–19.
15. Тишина Л.И. Динамика импортопотребления в контексте государственной экономической политики и его влияние на развитие промышленности. Автореферат дис. ...к-та экон. наук. М.: 2021.
16. Куранов Г.О., Стрижкова Л.А., Тишина Л.И. Факторные, межотраслевые и циклические модели в экономическом анализе и прогнозировании // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 11. С. 17–38. doi: <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-11-17-38>.

Информация об авторах

Стрижкова Любовь Аркадьевна — д-р экон. наук, руководитель Центра макроэкономического прогнозирования и структурных исследований ИМЭИ ВАВТ. 125284, г. Москва, 1-й Хорошевский пр., д. 3А, стр. 1. E-mail: l.strijkova@vavt.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0608-1652>.

Куранов Геннадий Оразович — канд. экон. наук, ведущий эксперт Минэкономразвития России. 125039, г. Москва, Пресненская наб., д. 10, стр. 2. E-mail: kuranov.go@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7209-7823>.

Тишина Людмила Ильинична — канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра макроэкономического прогнозирования и структурных исследований ИМЭИ ВАВТ. 125284, г. Москва, 1-й Хорошевский пр., д. 3А, стр. 1. E-mail: tishina@vavt.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2823-3776>.

Куранов Александр Геннадьевич — канд. физ.-мат. наук, заведующий лабораторией Центра макроэкономического прогнозирования и структурных исследований ИМЭИ ВАВТ. 125284, г. Москва, 1-й Хорошевский пр., д. 3А, стр. 1. E-mail: a-kuranov@vavt.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3821-9852>.

References

1. Kuranov G.O. et al. Factors of Economic Growth in 2011–2021 and Their Reflection in Macroeconomic Models. *Voprosy Statistiki*. 2022;29(3):5–25. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-3-5-25>.
2. Machavariani G.I., Kobrinskaya I.Ya. (eds.) *Russia and the World: 2023. Economics and Foreign Policy. Annual Forecast*. Moscow: IMEMO RUS, 2022. 130 p. (In Russ.)
3. Afontsev S.A. Political Paradoxes of Economic Sanctions. *Journal of the New Economic Association*. 2022;3(55):193–198. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10>.
4. Timofeev I.N. Dubious Effectiveness? Sanctions Against Russia Before and after February. *Russia in Global Affairs*. 2022;20(4):136–152. (In Russ.)
5. Spartak A.N., Cheklina T.N. Russia's Trade and Economic Cooperation with Europe Before and after the Start of the Special Military Operation. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2023;2:8–46. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-2-8-46>.
6. Klunko N.S., Egorova L.V. Industrial Transformation of Russia Against the Background of a Special Military Operation: Sanctions and Parallel Imports. *Interactive Science*. 2023;3(79):72–77. (In Russ.)
7. Ushkalova D.I. Russia's Foreign Trade Under Sanctions Pressure. *Journal of the New Economic Association*. 2022;3(55):218–226. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>.
8. Chuev S.V. (et al.) (eds) *Development of the Economic and Industrial Potential of the Russian State in the Conditions of Technological Blockade and Sanctions of the West: Soviet Experience and Modern Solutions*. Moscow: State University of Management, 2023. 258 p. (In Russ.)
9. Alaukhova O.I. Import Substitution in the Face of External Sanctions Pressure. *Eurasian Scientific Journal*. 2022;14(3). (In Russ.) Available from: <https://esj.today/PDF/26ECVN322.pdf>.
10. Toynbee A.J. *A Study of History*. Vol. I–XII. Oxford University Press; 1934–1961. (Russ. ed.: Toinbi A.Dzh. Postizhenie istorii: Sbornik. Moscow: Airis-Press, Rol'f; 2001. 637 p.)
11. Toynbee A.J. *A Study of History*. Vol. I–XII. Oxford University Press; 1934–1961; Huntington S.F. *Clash of Civilizations*. United States: Simon & Schuster; 1996. (Russ. ed.: Toinbi A., Dzh., Khantington S.F. *Vyzovy i otvety. Kak gibnut tsivilizatsii*. Moscow: OOO «TD Algoritm»; 2016. 286 p.)
12. Strizhkova L.A. Using «Input-Output» Tables in Estimating the Dependence of Russian Economy on Import and Import Substitution Processes. *Voprosy Statistiki*. 2016;(5):3–22. (In Russ.)
13. Strizhkova L.A., Tishina L.I., Selivanova M.V. Structural Shifts in the Economy of the Russian Federation and Its Import Intensity in 2014–2019: Analysis of Macroeconomic Statistics. *Voprosy Statistiki*. 2021;28(5):5–27. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-5-27>.
14. Kuranov G.O. On Research of Economic Dynamics for Forecasting Purposes. *Voprosy Statistiki*. 2014;21(6):8–19. (In Russ.)
15. Tishina L.I. *Dynamics of Import Consumption in the Context of State Economic Policy and Its Impact on the Development of Industry*. Cand. Econ. Sci. Diss. Moscow: 2021. (In Russ.)
16. Kuranov G.O., Strizhkova L.A., Tishina L.I. Factorial, Intersectoral and Cyclical Models in Economic Analysis and Forecasting. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2022;11:17–38. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-11-17-38>.

About the authors

Liubov A. Strizhkova — Dr. Sci. (Econ.), Head, Center for Macroeconomic Forecasting and Structural Research, Institute for Macroeconomic Research of Russian Foreign Trade Academy (IMR RFTA) of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 3A, 1st Horoshevsky Proezd, Bldg. 1, Moscow, 125284, Russia. E-mail: l.strijkova@vavt.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0608-1652>.

Gennadii O. Kuranov — Cand. Sci. (Econ.), Leading Expert, Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 10, Presnenskaya Emb., Bldg. 2, Moscow, 125039, Russia. E-mail: kuranov.go@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7209-7823>.

Liudmila I. Tishina — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Center for Macroeconomic Forecasting and Structural Research, Institute for Macroeconomic Research of Russian Foreign Trade Academy (IMR RFTA) of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 3A, 1st Horoshevsky Proezd, Bldg. 1, Moscow, 125284, Russia. E-mail: tishina@vavt.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2823-3776>.

Alexander G. Kuranov — Cand. Sci. (Phys.-Math.); Head of the Laboratory, Center for Macroeconomic Forecasting and Structural Research, Institute for Macroeconomic Research of Russian Foreign Trade Academy (IMR RFTA) of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 3A, 1st Horoshevsky Proezd, Bldg. 1, Moscow, 125284, Russia. E-mail: a-kuranov@vavt.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3821-9852>.